

Т. Г. ВИНОКУР

СИНОНИМИЯ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

1. Традиционный взгляд на синонимию как на свойство языка, которое можно рассматривать в двух равноправных планах — семантическом и стилистическом, — соответственно различая смысловые (идеографические) и стилистические синонимы — давно уже, в той или иной связи, подвергается сомнению, критике, уточнениям.

В последнее время все большее число ученых склоняется к признанию синонимии чисто семантическим явлением. Преимущественно на этом пути формируются сейчас новые синонимические теории, выдвигающие ограничительные критерии для старых понятий: тождество значения, сходство значений, близость их «оттенков»; это сопровождается учетом парадигматических и синтагматических отношений элементов смысловой структуры языковых знаков, сопоставляемых в качестве синонимов.

В недрах семантических теорий получает новое освещение и стилистический аспект синонимии, которым обосновываются причины объективного наличия синонимов в системе языка, поддерживающегося неперменным условием какого бы то ни было отличия одного члена синонимического ряда от другого.

Если, например, синонимический критерий допускает известные смысловые несовпадения, то они объясняются стилистической дифференциацией синонимов, так как именно в ней находят выражение «экспрессивные, эмоциональные или оттеночные (т. е. смысловые) особенности»¹. Если же критерием синонимичности объявляется только смысловое тождество (так или иначе определяемое), то и здесь синхронное сосуществование таких тождественных единиц оправдывается, в числе прочих характеристик, их разной стилистической принадлежностью². Одновременно существует мнение, что как раз четкая «функциональная и стилистическая дифференциация» этих единиц (даже «моносемичных» слов) не дает права считать их абсолютными синонимами³.

Если и можно усмотреть между приведенными высказываниями известные противоречия, то в целом они знаменательны тем, что выводят стилистический аспект на семантический уровень. Подтверждением этому можно считать мысль о том, что независимость «собственно лексического значения от его экспрессивно-стилистической значимости» нереальна и что «стилистическая характеристика слова определяет не только контекст, в котором возможно данное слово, но и то означаемое из соответствующей предметной области, которое может быть названо данным словом»⁴ (разрядка наша. — Т. В.). Второе замечание пред-

¹ «Словарь синонимов русского языка», под ред. А. П. Евгеньевой, I, Введение, Л., 1970, стр. 10.

² См. об этом: И. А. Мельчук, Строежие языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними, ИАН ОЛЯ, 1968, 5.

³ С. Г. Бережан, Семантическая эквивалентность лексических единиц, Кашинев, 1973, стр. 51—52.

⁴ Д. Н. Шмелев, Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973, стр. 119—120.

ставляется особенно важным, так как постулирует идею, от которой следует оттолкнуться при изучении синонимических взаимоотношений элементов языка, распределенных в узусе по разным функциональным стилям.

Чтобы раскрыть эту идею, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Несмотря на то, что различение смысловой и стилистической синонимии не соответствует современному представлению о сущности этого явления, подход к нему с точки зрения стилиевой стратификации языка вполне закономерен, так как в основе последней лежит сравнение разных способов вербализации если не одних и тех же, то во всяком случае сходных и сопоставимых понятий. Нужно только занять определенную позицию (и точно следовать ей в процессе рассуждений), согласно которой на первое место должно выйти *у п о т р е б л е н и е*. Ведь именно в употреблении мы имеем дело с процессом стилистического отбора, покоящегося на синонимических свойствах языка.

Употребление как процесс языкового отбора непосредственным образом связано с коммуникативной природой языка и, следовательно, характеризуется социальными признаками. В них не последнюю роль играет функциональная прикрепленность способов языкового выражения, т. е. обусловленность звукового, грамматического и лексического оформления высказывания сложным корпусом внеязыковых факторов. Исходя из этого, правомерно говорить о принадлежности функционально-подсистемных делений системы языка *у з у с у*, коллективным навыкам языкового употребления в данную эпоху и в данном обществе.

Деления эти осознаются большинством исследователей и как стилистические. Но здесь имеют место в какой-то степени разные точки зрения⁵. Одна из них — признание полной взаимозависимости двух принципов классификации: функциональная дифференциация целиком покоится на стилиевом различии элементов языка. Другая — представление, согласно которому функциональные и стилистические деления полностью друг друга не покрывают и последние лишь способствуют самоопределению функциональной подсистемы. Если придерживаться второй точки зрения (что кажется более целесообразным) и, таким образом, отличать понятия «функциональный стиль» и «функциональная подсистема языка», считая, что первый — это набор однородно и специфически окрашенных языковых средств внутри функциональной языковой подсистемы (которая включает в себя и стилистически нейтральные средства), то встает следующая проблема: как привести в логическое соответствие категорию узуса — функциональный стиль — с чисто системным, потенциальным свойством языка вообще — иметь разные означающие для одного и того же означаемого. Какую бы точку зрения на синонимию мы ни приняли, все равно возникает необходимость выяснить, имеет ли стилистическая синонимия, лежащая, как это принято считать, в основе любых стилистических делений, прямую связь с конкретным содержанием объективных стилистических соответствий, которые обнаруживает (или не обнаруживает) узус.

2. Когда мы говорим о стилистической синонимике, то понимаем под этим прежде всего *межстилевые* соответствия (*очи — глаза — гляделки*). Было бы весьма заманчиво попытаться построить по этой модели межстилевую парадигматику, усмотреть в ней строгую системность, по законам которой те или иные экспрессивные ряды распределяются по тем или иным функциональным сферам.

⁵ Сейчас нет смысла называть их приверженцев и нет возможности приводить соответствующие высказывания не только потому, что этот вопрос в настоящей заметке затронут лишь попутно, но и потому, что взгляды эти не всегда выражены эксплицитно.

В то же время хорошо известно, что подобные межстилевые ряды выстраиваются не без препятствий, они прерывисты, в них есть лакуны. Об этом достаточно убедительно явствуют хотя бы такие единичные примеры, как отсутствие у глагола *бодрствовать* — нейтральных и сниженных синонимов, а у существительного *живодер* — нейтральных и высоких, не говоря уж о том, что у целого нейтрального слоя лексики — имен, называющих конкретные предметы, редко бывают синонимы в высокой и сниженной стилистических сферах.

Таким образом, если в поле нашего зрения в качестве стилистических синонимов попадают только межстилевые соответствия, мы не можем делать заключения о полноценности их системных свойств. Ясно, что такой стилистической синонимией (в традиционном ее понимании) нельзя обойтись при желании создать по возможности строгую стилистическую классификацию элементов языка. Она недостаточна ни для экспрессивных градаций, ни, тем более, для функциональных, так как не может служить универсальным показателем принципов языковой организации функционально-стилистических подсистем языка.

Нельзя, однако, забывать, что помимо межстилевой синонимии существует обширная область синонимии в н у т р и с т и л е в о й. Между членами ее рядов, однородных в экспрессивном и функциональном отношениях, наблюдается тем не менее именно с т и л и с т и ч е с к а я вариативность: степень эмоциональной окраски (*кумир* — *идол*), ее оттенок (*ярость* — *бешенство*), наличие или отсутствие, а также разность метафорического ореола и способов образного употребления (*кувырк* — *кубарем*). Это позволяет в определенном смысле относиться к подобным случаям как и к стилистическим синонимам, хотя очевидно, что и роль их в формировании стилей, и содержание их отличительных черт принципиально иные по сравнению с межстилевыми синонимами. Характерно, что «семантический взгляд» улавливает в таких синонимах обязательную разницу смыслов, которая служит доказательством практической нерасторжимости собственно лексического значения и экспрессивно-стилистической значимости. Так, «Словарь синонимов русского языка», выделяя для слов *ярость* и *бешенство* (в синонимическом ряду с *гнев* и *раздражение*) общее значение «сильнейший гнев», дает дополнительно к слову *ярость* оттенок «крайняя степень негодования», а к слову *бешенство* — «гнев, проявляющийся с необузданной силой» (СС, стр. 237). Для слова *кубарем* дано (по сравнению с *кувырк*) уточнение — переворачиваться не только «через голову, но и боком», а также отмечено, что оно употребляется для указания на быстроту действия (там же, стр. 496).

Даже по этим двум примерам можно судить, что подобные толкования лежат в разных плоскостях. Указываются: значение и употребление; значение лексическое и предметно-логическое; смысл и экспрессия. Эта разница, обусловленная характером значений определяемых слов, демонстрирует в то же время нечеткость границ между семантическим и стилистическим восприятием явления. И если, как было условлено, вывести узואльно-стилистический план на первое место, то его характеристики окажутся «самодостаточными»: например, слова *грустный* и *печальный* столько же разнятся силой указания «на чувство душевной горечи» (там же, стр. 496), сколько и тем, что второе слово имеет, так сказать, лирико-поэтические свойства, что косвенно отражено словарем в помете «потр. реже» (там же, стр. 258). Тем же самым отличается слово *кудрявый* от *курчавый*, и это отличие гораздо убедительнее подтверждается приведенными в словаре примерами, чем объявленное им смысловое различие (там же, стр. 496).

Иными словами, внутрителивые синонимы обнаруживают свойства, характерные для «идеографической» (смысловой) синонимии, представленной в употреблении, т. е. как раз в той области, где соединяются семантические и стилистические признаки языковой единицы. Значит, эти синонимы не являются стилистическими в том значении термина, которое отражает сущность межстилевой синонимии. Они не могут служить для стилистического самоопределения разных экспрессивных и функциональных сфер в системе языка даже так приблизительно и несовершенно, как это могут межстилевые синонимы. Внутрителивые синонимы скорее составляют синтагматическое наполнение одной, экспрессивно и функционально обособленной, стилистической среды, известным образом определяя способы и средства ее языкового выражения.

Подтверждающим это и заслуживающим особого внимания фактом является значительно большее богатство внутрителивой синонимии, по сравнению с межстилевой. Ее ряды многочисленнее, а связи их членов — многообразнее. Как бы ни были субъективно трактуемы и безусловны типы этих связей⁶, когда они не строятся на основе совпадения отдельных элементов смысловой структуры слова при нейтрализации значений и разной степени синонимичности, — одно положение при этом объективно и безусловно: сопоставляя внутрителивые и межстилевые синонимические ряды, а, вернее, пытаясь продолжить внутрителивой ряд синонимическими единицами другой экспрессивной и функциональной стилистической принадлежности, мы, как правило, сталкиваемся с тем, что внутрителивым рядом (чаще всего многочисленным) противопоставляется лишь один член иностилевого ряда. Причем и он обнаруживается далеко не всегда, а во многих случаях это можно сделать только с известной натяжкой.

В сниженной стилистической сфере, которая обслуживает разговорную, разговорно-обиходную и пр. речь, к *гляделкам*, например, можно присовокупить (мы отлекаемся сейчас от вопросов нормы, вкуса, такта) и *буркалы*, и *глазены*, и *зенки* и т. п. Но в высоком и нейтральном стилях остаются лишь *глаза* и *очи*⁷. Синонимический ряд *рожа*, *морда* тоже можно продолжать сколько угодно в пределах сниженного стиля, а в нейтральном и высоком выступают *лик* и *лицо*. Если взять следующий синонимический ряд: *пошел вон*, *катись отсюда*, *убирайся* и т. п., то в возможных единичных сопоставлениях других стилей мы видим лишь очень приблизительное сходство (*уйди*, *удались*). Поневоле вспоминается чеховское *Позвольте Вам выйти вон!* как весьма показательное изображение попытки примирить речевой этикет с отнюдь неэтикетной экспрессией.

Ясно, что специфически сниженная экспрессия, составляющая суть подобных способов выражения, препятствует оформлению адекватного смысла средствами других стилей. Каждый стиль несет в себе свой собственный смысловой потенциал, «провоцируемый» отстоявшимися в узусе выразительными нагрузками тех или иных единиц языка.

Такое положение вещей: 1) прямо указывает на то, что термин «стилистические синонимы» слишком неопределенен и что надо различать синонимы межстилевые и синонимы внутрителивые; 2) подтверждает, что ни те ни другие (правда, по разным причинам) не являются полно-

⁶ Ср. приведенное выше толкование значений слов *ярость* и *бешенство*, а также любых других подобных случаев. Например, синонимы *брякнуть* и *лягнуть* можно считать различными по экспрессивной мотивировке: первое — («сказать») больше «сгоряча», второе — больше «неуместно». Но можно и не видеть этого различия вообще, или, с равным успехом, найти какое-нибудь другое, говорящее, допустим, о степени эмоционального проявления и пр.

⁷ *Вежды* не входят в синхронный синонимический ряд современного русского языка.

ценным и всеобъемлющим аппаратом для стилистической дифференциации языковой системы; 3) непосредственно подводит к необходимости решения вопроса о том, как связывать синонимические свойства языка с его языковой системой. Этот вопрос приобретает особую остроту по отношению к функциональным делениям, так как именно в них должны определяться целенаправленные способы вербализации типического для данной коммуникативной подсистемы круга означаемых, независимо от того, существует или нет пригодный к этому «материал» в экспрессивных синонимических соответствиях.

3. Подступы к решению этой проблемы мы связали с приведенной выше и принадлежащей Д. Н. Шмелеву стилистической характеристикой языковой единицы, определяющей называемое ею означаемое. Эта характеристика, как бы продвигая дальше семантический принцип установления синонимических связей между разными означающими при одном означаемом на основе совпадения элементов смысловой структуры слова, ставит под сомнение главное его условие: единство означаемого. Если, в самом общем и грубом виде, синонимический критерий предполагает возможность «по-разному называть одно и то же», то обнаружение или необнаружение синонимических соответствий в разных функциональных стилях реально объясняется тем, что в н е я з ы к о в а я необходимость называть в их пределах «одно и то же» оказывается, так сказать, принципиально призрачной. Поэтому при сопоставлении средств номинации каждого функционального стиля следует принимать в расчет явления иного порядка, чем традиционно понимаемая стилистическая синонимия.

Возьмем самый обычный пример разных способов номинации. Один критик в 30-е годы писал о том, что в литературе тех лет появился характерный «типаж» — «оголтелая хищница с изрядной примесью истерии». «О ней, — пишет далее критик, — метко сказал Олеша устами Бабичева: Да, она *стерва*. Раньше это называлось *демоническая женщина*». Естественно, что между двумя этими определениями нельзя поставить знак синонимического равенства ни при каких обстоятельствах. Но ясно и то, что сами понятия, получившие такие разные определения, а вернее — их смыслы принадлежат разным функционально-стилевым сферам общения. Следовательно, если мы хотим увидеть реальную картину современного стилистического словоупотребления, надо (применительно к явлению синонимии) иметь в виду наличие известных смысловых закономерностей, связанных с тем, что в разных коммуникативных сферах говорят не совсем «об одном и том же».

В этой связи представляются весьма показательными отмеченные выше совокупность межстилевой синонимии и богатство внутрителиевой. Эти явления косвенно указывают на то, что каждая экспрессивная и особенно функциональная сфера языкового общения неизбежно характеризуется какими-то чисто содержательными критериями, с которыми нельзя не считаться, как бы ни хотелось соблюсти строгость лингвистического аспекта в анализе. Эти содержательные критерии влияют на отбор каждым стилем языковых единиц с определенной смысловой структурой. Мы упоминали, например, что глагол *бодрствовать* не имеет нейтральных и сниженных синонимов. Их заменяет толкование «не спать», но оно не единственное. Словарные статьи дают еще и значение «не поддаваться сну», которое намекает на более сложную семантическую структуру слова, чем если бы она исчерпывалась процессуальным понятием «не спать». Так же невозможно найти, например, структурно-однотипное синонимическое средство к большинству деловых канцелярских клише: *предъявленному верить*, *настоящим сообщая* и пр. Это, безусловно, происходит потому, что с а м и х с м ы с л «непереводим» на сред-

ства другого стиля. Вместо перевода мы можем дать лишь толкование, описание, что неминуемо отразится на точности и экономности способа выражения.

Большое количество подобных явлений (и намечающаяся их типология) приводит к мысли о том, что каждое подсистемное функционально-языковое объединение характеризуется, в связи с «содержательными» ограничениями, не только особой стилистической окраской его специфических членов, но и избирательностью с точки зрения объема и принципов смысловой структуры, какими наделены свойственные этой языковой среде элементы.

Возможно, по мере углубления в этот вопрос исследователь получит право говорить о типических моделях семантической структуры таких элементов, что в свою очередь позволит дать обоснованную классификацию «стилистики значений». Пока же, только пытаясь наметить ее пути, вернемся к нашим примерам. Значение «не поддаваться сну» — книжное по самой своей сути. Его умозрительность и аналитизм соответственно покрываются книжным словом, не органичным для разговорной речи и для сниженной стилистической стихии вообще. Поэтому в последней нет условий, способствующих возникновению к данному слову, а значит и к слову, синонима. Это одна из предположительных причин отсутствия у него синонимов. Если же мы обратимся к слову *бессонница*, то заметим другую причинность того же явления. Это слово, с точки зрения современного стилистического узуса, нейтрально и, следовательно, ощущается, как «свое» во всех функциональных подразделениях. Но генетически оно приближается к медицинскому термину. Словари толкуют его и как «болезненное отсутствие сна», поскольку под описываемым состоянием подразумевается ряд конкретных диагностических признаков. В то же время и разговорная речь знает это слово, но употребляемое с известной долей «необязательности» по отношению к его терминологическому значению, когда вовсе не предполагается наличие какой-то определенной болезни, а просто констатируется факт — «не спалось», «не спал» (*у меня сегодня бессонница была, всю ночь вертелась*). По всей вероятности, здесь можно говорить и о двух значениях слова *бессонница*. Но это не меняет сущности того, что разговорная речь приспособливает употребление к своим смысловым принципам — диффузности, неопределенности, нетерминологичности. Если узус закрепляет эти принципы, то такому адаптированному, со смысловой точки зрения, слову не нужен сниженный стилистический синоним. Это еще одна из причин «пустот» в межстилевой парадигматике.

Названные случаи, возможно, не так регулярны, как явление, более прямолинейно отражающее семантико-стилистическую взаимозависимость узуальной характеристики единиц языка, которая нарушает системную последовательность их синонимизации. Речь идет о стилистических приращениях — коннотациях, присущих одним из членов синонимического ряда и сдвигающих их смысл сравнительно с другими членами.

Это можно проследить на самых обычных примерах синтаксической синонимии, выявляющей стилевую принадлежность членов синонимической цепочки. Так, в парах *заявить* — *сделать заявление*, *решить* — *принять решение*, *наехать* — *совершить наезд* (из терминологии автотранспортной инспекции) явственно намечаются упомянутые коннотации, способствующие известному смысловому обособлению одного средства от другого. Смысл синтаксической конструкции книжного происхождения, несомненно, ограничен конситуативно и потому более точен. Узус закрепляет его за легко исчисляемым количеством случаев определенного

денотативного содержания, охватывающего замкнутый круг социально значимых действий. Но тем не менее в этих парах еще сильна смысловая близость, поддерживаемая к тому же повторением лексем. В гораздо более опущимой степени ее ослабление начинается со сниженного стилистического пласта.

Если элементами этого пласта продолжить синонимический ряд, представленный пока только парами «книжное — нейтральное», то придется столкнуться с заметным изменением смыслов сниженных членов ряда (по сравнению с более высокими членами на стилистической шкале). Сниженные контексты часто дают в близком значении к последним глаголы *наскочить* — *налететь*, *заметать* — *застолбить* (полужаргонное) и др. Но замены эти далеко не безусловны: они неоднозначны и нечетки. Глаголы *наскочить* и *налететь* обычно толкуются, как «(наехать) случайно, внезапно, на большой скорости...» и т. п. Глагол *заметать* встречается в значении, соединяющим смысловые оттенки глаголов *решить* и *договориться* (*ну, значит, заматано — завтра в семь...*). Глагол *застолбить* в разном окружении получает значения глаголов *решить*, *договориться*, *предупредить*, *принять*, *определить*, *утвердить*, *зарезервировать*, а вернее — элементы их значений в смешанном виде (*Мы застолбили такое предложение: в черновом виде не подавать ни при каких обстоятельствах; застолби две палатки, и чтоб мешки...; застолбите, чтобы они без звонка не ехали и чтобы еще раз специально про билеты оговорили*).

Такие явления, как синкретизм значений (*заметать*, *застолбить*, *засечь* и под.) и экспрессия значений (*налететь*, *наскочить*) в высшей степени характерны для сниженно-разговорной семантики. Значит, если и считать все эти глаголы сниженными синонимами к нейтральным *решить*, *договориться*, *наехать* и к соответствующим книжным синтаксическим конструкциям, то надо по крайней мере отдавать себе строгий отчет в образующихся между членами такого синонимического ряда сложных смысловых вариациях. Вариации эти многообразны.

С одной стороны, их суть заключается в противопоставлении семантических принципов одной стилистической сферы языкового употребления другой. Приведенные выше примеры позволяют говорить: о принципе «размытость, диффузность значения», противопоставляемом принципу номинативной определенности нейтрального стиля; о принципе экспрессивного значения, противопоставляемом принципу нейтрального значения; о вытекающем из второго противопоставления следствии — оппозиции «усложнение — опрощение смысла».

С другой стороны, в этих примерах мы можем видеть подтверждение уже намеченного нами ранее обобщенного содержания вариативных семантико-стилистических связей: *стилистические коннотации сдвигают смысл*. Уточняя это положение, следует подчеркнуть динамическую направленность самого процесса. Она заключается в том, что смысловой сдвиг выступает как явление вторичное, спровоцированное первичным явлением — функционально-экспрессивной коннотацией. Ср., например, типическую разговорную конструкцию: *Я подумал, подумал, да и... (говорю, помчался, начал писать и т. п.)*. Передача ее содержания средствами нейтрально-книжного синтаксиса сопровождается весьма существенными, и именно смысловыми, потерями. *Я долго (какое-то время и т. п.) думал и после этого...* — в такой интерпретации меняется временное и ритмическое противопоставление действий, исчезает мгновенность принятого решения, его неожиданность и неподготовленность к нему адресата сообщения. Когда экспрессия рождает смысл, образуется тот признак смыслового наполнения языковой единицы, который можно называть стилистическим значением. Им обладают единицы

разных уровней, а его внутренняя классификация является, по всей видимости, вполне пригодным способом установления действительных границ в функционально-экспрессивном обособлении тех номинативных средств языка, которые нуждаются в каком бы то ни было соотносении.

Стилистическое значение⁸ дает возможность избегать натяжек, какие возникают при соотношении слов, традиционно квалифицируемых как стилистические синонимы. Если, это, например, глаголы *шествовать* и *чапать*, то их функционально-экспрессивные коннотации настолько действительны, что ослабляют саму смысловую связь этих слов, от которой остается лишь достаточно общее представление о сходстве способа передвижения. Стилистическое же значение, присущее каждому из этих глаголов как единицам определенной экспрессивно-функциональной сферы общения, отводит им соответствующее место в системе специфических выразительных средств данной сферы.

Кроме того, стилистическое значение заставляет видеть функциональное различие истинных и мнимых синонимических сопоставлений. В кажущихся, на первый взгляд, сходными «синонимических ситуациях»⁹ типа *Она не пополнила, а потолстела* и *Она не шла, она летела* связь соотносимых элементов неодинакова. Во втором случае перед нами правомерное противопоставление слов, имеющих определенное семантическое различие. Считать или не считать их синонимами можно лишь на основании собственно семантических критериев, принимаемых для выявления синонимии. А в первом случае имеет место тот самый вторичный смысловой сдвиг, который явился следствием экспрессивно-функциональной коннотации средства языкового выражения. Благодаря ему в отношении смысловой противопоставленности оказались вовлечены слова, не имеющие реальной семантической разницы. Только узуальное свойство (т. е. стилистическое значение) слова *потолстеть* дает право воспринимать его как обладающее «большой степенью признака» по сравнению с *пополнить*¹⁰.

Таким образом, узус подчеркивает совместную семантико-стилистическую природу синонимических связей в языке, манифестирует функционально-стилистическое преломление синонимизации языковых единиц. Именно эти явления составляют собственно лингвистическую базу содержательно-смысловой стратификации функциональных подсистем. Они дают возможность наметить определенные характеристики для семантических тенденций каждого функционально-стилистического объеди-

⁸ Характеристика стилистических значений (их конкретные определения, основанные на коммуникативных задачах той или иной подсистемы языка, создаваемых непременным соединением экспрессии и функции языкового знака) не может быть дана в небольшой по объему статье. Сейчас мы назовем только условно типы стилистических значений, к которым принадлежат названные глаголы: 1) медлительно возвышенное (торжественное) действие (поступок); употребление двойное: прямое положительное и метафорически-отрицательное (обычно — ироническое); 2) динамически экспрессивное, фамильярно грубое действие (поступок); употребление двойное: прямое нейтральное и метафорически-отрицательное (чаще — шутливое).

⁹ Так мы назвали в свое время отстоявшийся в узуальном плане выразительный речевой прием, основанный на сопоставлении или противопоставлении слов, вступающих в контекстно-обусловленные синонимические отношения — действительные или ложные (см.: Т. Г. Винокур, Синонимия и контекст, «Вопросы культуры речи», 5, М., 1964).

¹⁰ Ср. аналогичный случай «внушения» якобы имеющей место смысловой разницы стилистическим значением глаголов в очень выразительном примере из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «А тут еще кот выскочил к рампе и вдруг рывкнул на весь театр человеческим голосом: — Сеанс окончен! Маэстро! Урежьте марш! — Ополумевший дирижер, не отдавая себе отчета в том, что делает, взмахнул палочкой, и оркестр не заиграл, и даже не грянул, и даже не заатил, а именно, по омерзительному выражению кота, урезал какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей марш».

нения, показывающих, насколько противоречиво выглядит так называемая «взаимозаменяемость» языковых средств, когда речь идет о разноплановых стилевых элементах.

Об одной такой тенденции мы уже говорили: для разговорной функционально-стилистической подсистемы языка (что убедительно подтверждают новейшие исследования)¹¹ характерен семантический синкретизм и диффузность, способствующие адаптации значения и как бы переводу самого понятия в сугубо неофициальный, экспрессивно-бытовой план.

Показательны в этом отношении универсальные оценочные номинации типа *ничего, нормально*, которые могут приспосабливаться к исключительно широкой амплитуде колебаний экспрессии и смысла. Ср. *Пирог ничего, могло быть хуже; Она ничего, можно сказать красоточка прямо!; А ничего слетал Гагарин!* (из молодежной повести). Или: *Как живешь? — Нормально; Нога болит? — Нормально; Если станцуешь нормально, то очень хорошее настроение...* (из разговора балерины Н. Павловой с корреспондентом телевидения).

Слово, получающее адаптированное к условиям разговорной речи значение, вбирает в себя, следовательно, ряд семантических признаков не одной, а нескольких лексических единиц. Ср. обиходно-разговорное *бумажка*, употребляющееся в значении «любой деловой документ» (справка, заявление, выписка из протокола, приказ и пр.). С точки зрения межфункциональных стилевых соответствий это синоним деловых *документ* и *бумаги*¹². Но разговорные контексты демонстрируют к тому же сдвиг в соотношении «рода» и «вида» между обобщенным и частными наименованиями, свойственный деловой сфере — генетической родине подобных понятий. *Бумажка* — это и «все деловые документы» одновременно, и «каждый из них» в отдельности: *Я взяла бумажку и прямо к директору; Ты бумажки уже все собрал?* Ясно, что такой состав и объем значения во много раз увеличивает возможности экономии и экспрессии — двух наиболее мощных факторов в организации разговорного высказывания. Сила их настолько действенна, что стимулирует расширение применения данного слова в двух направлениях: во-первых, его регулярный выход в обиходно-деловую речь, где оно может обозначать документ вполне официального назначения (ср. разговор на заседании месткома: *Я сейчас зачитаю две бумажки* — речь шла о документе от имени дирекции предприятия, и соседство этого слова с типично официально-бюрократическим *зачитать* очень характерно для подобной ситуации); во-вторых, выход в художественную речь как основы для образа (ср. у Маяковского: *К любым чертам с матерями катись любая бумажка...* — строки, подтверждающие, кстати, самым категорическим образом и сказанное о значении слова).

Пример слова *бумажка* показывает очень характерный для разговорной речи процесс: исчезновение необходимости в точном, терминологическом наименовании и возникновение на его месте экспрессивного знака, способного к обозначению ряда сходных понятий. Процесс этот видится и как причина упомянутого выше богатства внутрестилевой синонимии, потому что сопровождающая его необязательность, «поверхностность» интерпретации значения тех или иных единиц языка не может не раздвигать границ синонимических рядов.

¹¹ См.: «Русская разговорная речь», под ред. Е. А. Земской, М., 1973, раздел «Номинация».

¹² Сейчас форма мн. числа является устарелой. На смену ей приходит, главным образом в обиходно-деловой речи, *бумага* (ну что же, давайте напишем бумагу пошлем...).

Книжные функционально-стилистические подсистемы также обнаруживают определенные семантические тенденции, проявляющиеся, как правило, именно в окрашенных элементах их языкового состава. Если продолжить разговор о деловой речи, то надо вернуться к примерам клишированных конструкций. Почему попытка создать с их участием прямые синонимические ряды не может увенчаться успехом? Прежде всего потому, что в других стилях нет употребительного эквивалента: ни в какой иной сфере общественной коммуникации, кроме деловой, не *верят предъявленному*, не *производят задержания и отчисления*, не *дают гарантов соблюдения*. А следовательно, только в деловой речи мы и сталкиваемся с соответствующими смыслами, отражающими своеобразие ограниченного круга предметно-логических категорий данной сферы. Эти смыслы тоже неэлементарны и емки, но емкость здесь имеет принципиально иное качество и иные причины, чем в разговорной речи. Она направлена на уточнение и ограничение объема понятия, на его ситуативную закрепленность и терминологическую недвусмысленность. И если в разговорной речи экономия дает коммуникативный эффект в том случае, когда она соединяется с эмоциональной экспрессивностью, то экономные формулы, охватывающие составное и объемное содержание делового характера, главным условием своего возникновения имеют отсутствие эмоциональности. Ср., например, штамп служебной характеристики *морально устойчив* или лаконичный фрагмент из милицейского отчета *На счету у сержанта Савельева 153 задержания* — с полной невозможностью столь же лаконично и «самодостаточно» передать смысл термина *задержания* средствами другого стиля. В данном случае осуществимо только толкование, которое тоже не всегда лежит на поверхности¹³.

Научный стиль обнаруживает естественное предпочтение однозначной, терминологической смысловой структуры языкового знака, из-за чего любые связанные с ним синонимические элементы других стилей выступают, как правило, в виде описательных эквивалентов. Примеры подобных связей слишком известны (*гипертония* — «повышенное кровяное давление, вызываемое определенными причинами и имеющее определенные признаки»), чтобы здесь останавливаться на них специально.

Специфические свойства смысловой структуры публицистического стиля (т. е. окрашенных средств публицистического узуса) демонстрируют свою глубину и сложность. Эта сложность чаще всего покоится на свободном и, так сказать, некритическом употреблении метафорических значений соответствующих единиц языка, способных служить специфически образному употреблению. Тропы как основа выразительных свойств публицистической речи настолько прочно вошли в ее словесный репертуар, что иногда перестают ощущаться как таковые в сознании носителей. Происходит своеобразная мимикрия тропы, «выдающего» себя за прямое значение.

Сравним безусловный, и пока еще действенный, образ *акулы империализма* и более стертое (а, значит, и менее экспрессивное) словосочетание *агенты империализма*. Последнее — с генетической точки зрения тоже «образ»: в нем участвует второе значение слова *агент*, имеющее по сравнению с первым¹⁴ метафорическую расширительность и, что главное, оценочность. Условия употребления этого словосочетания явно говорят о практической редукции его метафорического ореола. Но тем не менее в

¹³ Так, например, многие знатоки молодежного жаргона не в состоянии были «перевести» на другой стиль или на нейтральную речь слово *фирменный* (брюки, парень и т. д.).

¹⁴ В словарях это слово имеет следующие значения: 1) лицо, уполномоченное кем-н... для выполнения официальных поручений; 2) тот, кто действует в чьих-н. интересах.

целом оно содержит особый смысл, который не позволяет ему вступать в синонимические связи с элементами других стилей: последние не призваны вербализовать такой смысл, и им не свойственно создающее его привычно повторяющееся, т. е. клишированное, употребление образных выражений. Поэтому всякая другая попытка, кроме описательного толкования, найти синонимический эквивалент наиболее ярко окрашенным сигналам публицистического стиля — образным штампам¹⁵ (ср. *континент бурлит, активно вторгаться в жизнь, наведение мостов* и т. д.) — оказалась бы попыткой с негодными средствами.

Другое дело, что многие из таких сугубо специфических элементов каждой функциональной сферы, не имеющие прямых синонимических параллелей в другой сфере, употребляются в ней как цитаты, в зависимости от нужд общения и с определенным экспрессивным назначением. Можно даже сказать, что именно этот цитатный способ употребления служит иногда как бы отправной точкой стилистических перемещений, ведущих к усвоению слова (высказывания) новой средой. Так, например, слово *учеба* возникло как более сниженное и разговорное (что отмечал в свое время А. М. Селищев) по отношению к *ученье*. Сейчас слово *учеба* стало межстилевым, т. е. нейтральным, а следовательно, «повысилось» и очень широко употребляется в официально-деловой и публицистической речи, хотя его современный синоним *обучение* (мы берем значение «процесс приобретения знаний») еще более высок и официален. Слово *руководство*, будучи элементом официально-делового общения (также, разумеется, в одном из значений), распространилось и на обиходно-разговорную речь: *Зайдите попозже, он пошел к руководству*. Отсюда перекинулся мостик и к разговорной речи: *Наш Саша теперь руководство, важный стал*. При этом возможно установление новых синонимических связей уже внутри стиля — *руководство, начальник* и т. п.

*

Подводя итоги сказанному, заметим, что наблюдение над функционированием теоретически сопоставимых языковых средств разных стилей приводит к выводу о существовании трех основных типов их связи, практически заменяющих то, что традиционно называется стилистической синонимикой.

1. Связь, при которой экспрессивные приращения в одних членах ряда по сравнению с другими членами того же ряда стимулируют возникновение необратимых смысловых сдвигов, нарушающих их синонимическую взаимозависимость.

2. Связь, которая может быть осуществлена лишь нейтральным эквивалентным описанием (толкованием) смысла стилистически отмеченной языковой единицы.

3. Связь, которая выражается во взаимной смысловой адаптации языковых единиц разной стилистической принадлежности.

При дальнейшем исследовании вопроса и эти основные типы можно будет представить внутренне расчлененными. Каждый из них имеет наиболее регулярные формы семантических соответствий, отражающие содержательно-смысловое своеобразие функционально-стилистических подсистем языка. Так, например, для параллелей между нейтральным и книжным употреблением характерно противопоставление (экспрессивно однородное: с минусом эмоционально-оценочных приращений) «рода» и «вида»

¹⁵ А в этом оксюморе и выявляется стилистическая специфика публицистического стиля.

автобус, трамвай и пр. — *транспорт*; *шапка, кепка* и пр. — *головной убор*. Это противопоставление строится на основе смысловых связей частной и обобщенной номинации и является одним из имплицитно оформленных способов второго типа намеченных соотношений; «слово (конструкция) и его описательный эквивалент». По-другому проявляется та же связь частной и обобщенной номинации в параллелях между нейтральным и сниженно-разговорным употреблениями. Она сопровождается противопоставлением нейтрально-номинативного и экспрессивно-оценочного значений, последнее из которых играет роль уточняющего определителя; *лошадь* (всякая) и *кляча* (только плохая, чахлая и т. д.). Это — главный способ оформления первого типа связи. Третий тип успешно обслуживается межстилевой омонимией, которая на семантическом уровне выступает как полисемия (ср. пример со словом *бессонница*, который поддается интерпретации с точки зрения многозначности слова, или пример со словом *руководство*).